

УДК 141.78:159.955

Л.В. Мурейко¹, М.В. Бахтин²*Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I¹**Институт деловых коммуникаций (г. Москва)²***ПОСТМОДЕРН: ЧЕРЕЗ РАЗРУШЕНИЕ «СТРУКТУРЫ» –
К ВЫЯВЛЕНИЮ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ АКТОВ МЫШЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье исследуется способ выявления элементарных автоматизированных актов мышления, характерный для постмодернистской философии. Основная задача статьи – предварительное исследование оснований для тенденции сближения массового и элитарного типов функционирования «автоматизмов» мышления в условиях особой роли в обществе массовой коммуникации – тенденции, к которой проявляют особое внимание многие представители постмодернистской философии. Особый акцент сделан на проблеме структурирования, формообразования изначально не осознаваемой субъективной реальности.

Ключевые слова: философия постмодерна, структура, деконструкция, автоматический акт мышления, массовая коммуникация.

L. Mureyko, M. Bakhtin*St. Petersburg State Transport University
The Institute of Business Communication***POSTMODERNISM: FROM DESTRUCTION OF «STRUCTURE»
TO IDENTIFICATION OF ELEMENTARY THINKING ACTS**

Abstract. The article focuses on the techniques of detecting elementary automated thinking acts, which is characteristic of postmodern philosophy. The main aim of the article is to conduct a preliminary study of the grounds for converging mass and elite types of “automatic” thinking in mass communication society, which is the trend most representatives of postmodern philosophy pay special attention to. A particular emphasis in this article is put on the problem of structuring and shaping initially unconscious subjective reality.

Keywords: postmodern philosophy, structure, deconstruction, automatic act of thinking, mass communication.

Зарождение в последней трети XX в. философии постмодерна обусловлено социальными трансформациями, связанными с процессами глобализации и широкой информатизации общества. К факторам, подготовившим условия значительных изменений прежнего способа восприятия мира, относятся революция в естествознании, научно-техническая революция в сфере информационных технологий, а также тенденция к стиранию границ между социальными группами и, тем самым, к разрушению социальной структуры, влияющей на рациональ-

ность мышления и действий человека, на возможность его самоидентификации.

В этой связи обостряется внимание философской мысли к положению об относительности утверждений об одном и том же объекте, выдвигаемому революцией в естествознании и развитием демократии в политической жизни. Появляется особый интерес к техническим и художественным возможностям создания одного и того же образа объекта в различных культурах или неотличимого от него его искусственного аналога, к феномену суррогата рационально действующего мышления в условиях усиления роли средств массовой информации.

Одной из важнейших задач постмодерна является *выявление зависимости сознания индивида (особенно – обезличенного, испытывающего трудности в самоидентификации) от готовых форм мышления, от языковых стереотипов своего времени.* При этом устанавливается мнимость содержаний сознания по отношению к реальности, а также иллюзорность свободы без выявления бессознательно формируемых схем и норм мышления, действующих автоматически, по машинному типу.

Непосредственным предшественником постмодерна и его трансформировавшимся составным элементом является постструктурализм.

Постструктурализм – направление философской и социогуманитарной мысли, которое уточняет свои методологические исследовательские установки во многом через критику и переосмысление идей структурализма.

Структурализм – это направление философских и социогуманитарных исследований, представители кото-

рого своей основной задачей считали *необходимость вскрытия глубинных, «невных» структур социальных и культурных явлений, обусловленных языковыми конструкциями и обеспечивающих неосознаваемое основание рациональности мышления и действий человека.* При этом чувственное восприятие, субъективность в толковании мира рассматривались как механизм утаивания эти структур.

В создание собственно структуралистского направления внесли свой вклад достаточно авторитетные и разнообразные исследовательские силы в области логики, лингвистики, семиотики. Это и Женевская школа лингвистики (Ф. де Соссюр и его последователи), и русский формализм, и американская школа семиотики Ч. Пирса и Ч. Морриса, и Копенгагенский, а также Нью-Йоркский лингвистические кружки, и пражский структурализм, и структурная антропология К. Леви-Стросса, и структурный психоанализ Ж. Лакана, и семиологический структурализм Р. Барта, и эпистемологический структурализм М. Фуко.

Деятельность различных школ структурализма объединяло стремление придать статус точных наук гуманитарным знаниям именно за счёт выявления «невных структур» социальной и культурной жизни. Реализовывалось это стремление через попытки создания строго выверенного, формализованного понятийного аппарата с обращением к анализу лингвистических категорий, законов логики и математических формул.

Структура – базовое понятие структурализма. Структура в данном случае представляется как совокупность таких отношений системы, ко-

торые инвариантны при разнообразных преобразованиях. Необходимые свойства структуры: 1) целостность (целому подчинены все его части); 2) трансформация (определённый порядок перехода одной подструктуры в другую на основе правил порождения); 3) саморегулирование (автоматическое функционирование правил в данной системе, назначение которого – сохранение целостности явления при его изменениях).

Структуралистское понимание структуры предполагает не просто установление некоторой устойчивой схемы объекта. Немаловажное значение здесь приобретает выявление такой совокупности правил, которая позволяет перевести одно состояние объекта в другое.

Общие структурные закономерности некоторого множества объектов при этом устанавливаются благодаря анализу механизма трансформации определённых различий, рассматриваемых как *конкретные варианты единого абстрактного инварианта*.

На рубеже 70-80-х гг. XX в. происходит смена структуралистской парадигмы в понимании неявных оснований мышления на постструктуралистскую. Общей чертой в структуралистском и постструктуралистском понимании мышления является признание *безличного характера лежащего в его основе механизма и автоматически (не поддаваясь контролю со стороны сознания) обеспечивающего функционально-оперативное освоение мира*.

Являясь трансформирующимся продолжением изначально присущих структурализму тематических тенденций, идеи постструктурализма в работах таких авторов, как поздние

М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт, У. Эко, Ю. Кристева, а также Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, развиваются через критику структуралистских поисков структуры как устойчивого инварианта множественных изменений.

Этому способствовал тот факт, что функциональность строгой формы и рациональной целесообразности, призванной в структурализме обеспечивать контроль над неосознаваемой стихией человеческого бытия, приобрела черты формалистских крайностей. Этот факт усиливался ростом безличия индивида и отдельных культур в общественной жизни, дегуманизацией социальных связей, кризисом духовности в условиях тенденции к глобализации и широкой информатизации общества.

Критическое отношение к идее структуры как модели универсального знания, усмотрение в ней фактора, обесценивающего единичное и усиливающего тоталитарные режимы, как и саму возможность программирования мышления, заставляет бывших структуралистов обратить внимание на средства разрушения структурно единого – на фрагментарное, элементарное, единичное, различное, сингулярное.

Критически представляя принцип «структуры структурности», Ж. Деррида наиболее чётко выразил ядро уязвимости этого принципа с позиции постмодерна – проблематичность обоснования понятия «центра» структуры, рассматриваемого в качестве начала, производящего структуру, но самого не структурированного.

У. Эко в работе «Отсутствующая структура. Введение в семиологию», анализируя проблему границ примене-

ния структуралистской мысли, выдвигает собственное понимание структуры как *коммуникативного кода*. Код, согласно У. Эко, – это система вероятностей, «сужающая изначальную равновероятность» [20, с. 454] и ограничивающая сферу возможных событий путём внесения некоторых правил.

Перспективность такого исследования связывается им с нарастающей ролью в обществе массовой коммуникации, которая с особой остротой ставит вопрос о средствах формирования смысла, приобретающих промышленный характер и предполагающих неопределённый круг адресатов. «Проследив за ходом событий, приведших к расширению интересов к семиологии во Франции и Германии, – отмечает У. Эко, – мы вынуждены будем признать, что оно оказалось напрямую связанным с развитием массовых коммуникаций. К этому следовало бы добавить, что проблематика массовых коммуникаций, родившихся в социологических кругах, прежде всего в Соединённых Штатах, и в кругах, связанных с социальной философией Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, В. Беньямин и др.), в конце концов, потребовала семиологического обоснования своих принципов» [20, с. 520].

Отметим, что одна из важнейших проблем *mass-media* – **проблема достоверности** их сообщений – обусловлена самой спецификой производства, передачи и потребления массовой информации. Природа массовой коммуникации определяется, во-первых, тем, что массовый продукт как общедоступный производится для усреднённо-неопределённых адресатов, а во-вторых, тем, что он имеет особый (машинно-

технический) способ поставки, при котором непосредственная интеракция исключена. И как справедливо отмечает Н. Луман, «только машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации – а не письменность как таковая, – привело к обособлению особой системы массмедиа» [11, с. 9].

Речь идёт о том, что продукт массовой коммуникации имеет характер копий больших тиражей, что возможно лишь при техническом способе его производства. При этом массовая коммуникация всё больше проявляет тот факт, что усиливающийся процесс индустрии средств коммуникации вызывает изменения самого смысла сообщения, задевая те его составляющие, которые считались неизменными, не зависящими от способов распространения.

Учитывая, что в условиях роста роли массовой коммуникации само средство становится сообщением, У. Эко считает необходимым перевести такое «мифологическое понятие», как «средство», на язык семиотики, истолковав его «как канал, сигнал, форму сообщения, кода и т. д.» [20, с. 519].

Стремясь сохранить место для *уникального* в условиях массовой коммуникации, У. Эко совмещает это стремление с критикой структурализма. Критика относится здесь к пониманию бинарной оппозиции как базового свойства структуры, существующего в виде универсальной комбинаторики.

Обращаясь к философской концепции элементарных понятий Лейбница, усматривавшего их в понятиях «Бог» и «Ничто» (или «Лишённость»), которые, в свою очередь, соотносились им с бинарным исчислением «1» и

«0», У. Эко выявляет параллель между этой концепцией и структурализмом. В обоих случаях, отмечает он, бинарная оппозиция, понятая как универсальная комбинаторика, как *подобие* одной стороны оппозиции другой, с необходимостью выводят на признание первоначала, *пра-структуры* или *пра-кода* как некоторого готового образования, как определённого структурообразующего образа.

Следует сместить акценты, полагает У. Эко, на *непознанность* мира и его основополагающей структуры, на многоплановую познавательную возможность – на «Ничто» («Лишённая»), на «0», на «Отсутствие». «В структурированной системе, – отмечает он, – любой элемент значим в той мере, в какой он этот, а не другой или другие элементы, на которые он указывает, тем самым их исключая. <...> Но что во всей этой механике значимых оппозиций, в конечном счёте, главное, так это то, что она даёт нам систематическую возможность узнавать то, что есть, по тому, чего нет» [20, с. 19].

Принятие идеи бинарной оппозиции как метафизического принципа, подчёркивает У. Эко, приводит к отмене самого понятия структуры, ведь в изучаемом объекте всегда обнаруживается нечто, не укладывающееся в Структуру, некий необъяснимый остаток, а структурализм предпочитает умалчивать об этом.

Структурирование означающих, полагает У. Эко, должно быть понято как выражение строения коммуникативной цепи, с учётом того, что в ней то или иное сообщение, опирающееся на одни коды, интерпретируется с помощью других. Таким образом, структура сообщения показывает его

многомерно: как носителя многих коннотаций. Более того, в разделе «Границы семиологии и горизонты практики» вышеуказанной книги У. Эко отмечает, что хотя знаки, поддерживаемые массовой коммуникацией и идеологиями, стремятся к всеохватности, к тому, чтобы стать инструментом власти, не все обстоятельства претворяются в знаки. Сами знаки живут нестабильной жизнью. Коннотации разрушаются под воздействием обстоятельств, лишаящих знаки их былой силы. И это должно находить своё выражение в структуре.

Предупреждая критику в свой адрес за усмотрение в предлагаемой концепции «отсутствующей структуры» противоречия между требованием строгой формализации и положением об открытости конкретного исторического процесса, У. Эко заявляет, что он не отказывается от замкнутых, строго структурированных систем, представленных в синхронном срезе. В действительности, отмечает он, «закрытая» система знаков и «открытый» знаково-коммуникативный процесс с необходимостью предполагают друг друга. Однако идея стабильности структуры становится утопией, как только мы, не сомневаясь, принимаем за окончательную лишь очередную фазу процесса.

Без детального анализа строгого всестороннего видения реальности, согласно У. Эко, мы рискуем принять за тотальную форму рациональности то, что является лишь одним из её вариантов. Более того, перевес внимания в сторону определённой структуры, законченной целостности как тотальной, нередко способствует неосознаваемому стремлению не заниматься деталями во избежание обнаружения

такой из них, которая не впишется в логику этой целостности. Однако устойчивость, длительность востребования определённого способа структурирования информации, как и широта спроса на него, зависит от того, насколько оно намеренно «открыто», насколько оно соответствует изменившимся обстоятельствам и разнообразным ценностям.

В этой связи, как утверждает У. Эко, более продуктивной является такая концепция структуры, согласно которой понимание формирования закрытых универсумов сопровождается осознанием открытости процесса, включающего эти универсумы в себя и преобразующего их. При этом сам этот процесс обнаруживается лишь как последовательность и различное сочетание закрытых, формализованных универсумов.

Необходимо подчеркнуть, что У. Эко усматривает продуктивность идеи бинарной оппозиции для понимания источника, элементарной базы структурообразования не только в том плане, что в ней делается акцент на нулевой элемент, на отсутствие готового образца, но и в том, что она содержит *машинизированную* или *технологическую модель элементарной структуры*.

Выделяя машинный вариант элементарной коммуникативной структуры как модель примитивного случая коммуникации, У. Эко отмечает, что в человеческом познавательном акте всё намного сложнее. И всё же, даже в машинной модели структуры примитивного случая коммуникации ставка на нулевую сторону бинарной оппозиции, на открытость познавательной системы неизвестному обнаруживает феномен избыточности этой стороны, что выражается не только в способ-

ности дублирования сообщения, но и в возможности ранее неизвестной комбинации знаков. Именно поэтому, как отмечает У. Эко, кибернетика, изучающая возможность оптимального контроля и управления автоматическими системами и электронной техникой, востребована в биологических, неврологических и даже социальных исследованиях. А сотрудничество структурной лингвистики и теории информации позволяет «применять структурные и информационные модели при описании культур, систем родства, кухни, моды, языка, жестов, организации пространства и т. п., и даже эстетика иногда заимствует некоторые понятия теории коммуникации...» [20, с. 44].

Действительно, актуальность обращения к машинной модели структуры элементарных актов означивания, имеющего коммуникативную природу, состоит в представлении возможности сближения методологий различных наук, в создании условий для описания различных явлений посредством одного и того же инструментария. При этом важно, чтобы машинная модель автоматизированных актов распознавания информации не навязывалась *полностью* базисному способу смыслообразования вместе с отрицанием в нём значимости субъективных состояний, как это неправомерно делают некоторые представители аналитической философии (см., напр.: [21]).

Итак, в своей концепции отсутствующей структуры У. Эко не отрицает необходимости структурирования познавательного процесса в известных границах. Однако по отношению к непознаваемой полностью базисной структуре мышления он предпочитает

говорить о *машинизированном* (или *технологическом*) *знаковом* способе (обусловленном социальной коммуникацией) *автоматически и вариативно* выполняемых актов означивания. Рефлексивным сознанием, согласно У. Эко, «нагруженная многообразными социально-культурными коннотациями базисная структура мышления никогда полностью не ухватывается, поэтому он и обозначает её термином «отсутствие». Отметим, что наличие базисной структуры мышления в концепции У. Эко не отрицается, но при этом указывается, что её выражение рефлексивно-аналитическим мышлением носит поисково-процессуальный характер. При этом подчёркивается, что знак через структурирование конкретного значения всегда указывает на косвенное присутствие базисной структуры мышления.

Обращаясь к концепции Ж. Лакана, У. Эко соглашается с ним в том, что «отсутствие» – это всегда присущее человеку неосознанное *желание* структуры при непознанности и вариативной интерпретации её первоисточника.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари, разрабатывая понятие «машин желания», называют их вслед за С. Леклером «изнанкой структуры».

В отличие от Ж. Лакана и У. Эко, уже в первой главе «*Анти-Эдипа...*», названной «Желающие машины», Ж. Делёз и Ф. Гваттари утверждают, что в человеческом существовании исток желаний – не неудовлетворённое естество и не фантазм в отношении здесь и сейчас отсутствующего. Желания во многом производятся «социальной машиной». Современный мир пронизан *машинно-производственным* отношением к природе и к человеку: «всё

является производством: производствами производств, действий и страстей; производствами регистраций, распределений и ограничений; производствами потреблений, наслаждений, тревог и страданий» [4, с. 13].

Сравнивая феномены, обозначаемые как «технические машины» и «машин желания», указанные авторы видят их различие в том, что вторые продуктивны благодаря их поломке. В «машинах желания» союз желания и техники вызывает два разнородных процесса. С одной стороны, происходит поломка однотипно работающей машины (анти-производство), что создаёт условия для креативных поисков её замены, а с другой – искусственное прерывание многообразного жизненного потока, его формализация, что может быть использовано для его осмысления и технического, искусного совершенствования.

При сравнении «социальных машин» (в пределе программируемого массового способа жизнедеятельности) и «машин желания», вторые характеризуются как обладающие свойством самоорганизующейся спонтанной креативной субъективности. Общее свойство «машин желания» и массового способа существования человека – сообщение людям черт безличия и машинальное (в обход сознанию) действие. При этом деперсонализация, производимая «машиной желания», наряду с чисто механической, которая характерна для масс, имеет ещё и другую разновидность – деперсонализацию особого типа. Последняя использует безымянность, собственную неопределимость для того, чтобы избежать сети программирования на однотипность с другим индивидом.

Здесь индивид под маской (или в роли) безличия, в отличие от представителя масс, контролирует своё состояние.

С точки зрения постмодернизма «центр» не может быть объективным свойством структуры для включённого в многоплановые социально-культурные процессы человека. Поэтому «центр» может играть роль лишь постулированной наблюдателем фикции. В действительности, как полагают постмодернисты, «центр» выражает позицию недостаточно знающего себя, но чрезмерно самоуверенного наблюдателя. *Утверждение «центра» структуры связано не с сознательной позицией наблюдателя, а с его социально обусловленным ожиданием или желанием.*

Ж. Делёз и Ф. Гваттари как классическому, так и структуралистскому понятию структуры противопоставляют постмодернистское понятие ризомы, заимствованное ими из ботаники. «Ризома» в постмодернизме символизирует отсутствие единого корня, связующего центра для многообразных явлений и процессов. Как противоположность структуре, она обозначает сосуществование исключительно разнородных образований, возможное благодаря их способности динамично меняться, обретая дополнительные силы из разности потенциалов и перескока с одного вектора развития на другой.

Любая целостность, основанная на исторически ограниченном понимании принципа системного тождества объекта и субъекта, с этой позиции должна быть подвергнута *деконструкции, выявляющей предельно малые составляющие этой целостности, а также возможность иного их сочетания.* Так, в процессе деконструк-

ции основы познания ищется микромир познавательных практик, основы истории – сосуществование микрособытий, в которых действуют микроагенты, неуловимые для универсальных мыслительных конструкций и решающие ситуативно возникающие задачи.

В этом есть своя логика: конкретизация принципа структурной взаимосвязи автоматических и рефлексивных актов мышления требует анализа способов поэлементного расчленения континуума субъективной реальности. Подчеркнём, что при выделении элементов субъективной реальности, форм дискретной и структурно-динамической упорядоченности её составляющих необходимо выделение и фрагментов обычно не рефлекслируемых психических процессов, включая их диспозициональное свойство (предрасположенность к выбору определённого действия).

Отметим также, что элементы автоматизированных актов субъективной реальности (в их большом сходстве и тесной взаимосвязи с объективной реальностью) в постнеклассической философской литературе не без основания характеризуются как *микрочастицы, не воспринимаемые не только обычным взором самосознания, но даже научной методологией классической теории.*

Так, Г. Башляр в работе «Новый рационализм», отталкиваясь от положений физики П. Дирака и рассматривая её как «открытую философию» новых представлений о рациональности, сравнивает действие неосознаваемых актов, которые интерпретируют действительность в автоматическом режиме, с принципом функционирования «спина» физической реальности.

М. Фуко [16; 17] при исследовании принципа формализации обычно не осознаваемых элементарных единиц автоматизированных познавательных актов выявляет в них измерение мысли, пограничное между собственно знанием и властью. Это зона сближающегося взаимоотношения между чётким, контролируемым, структурно выражаемым оформлением мысли и её сопротивлением определённой и однозначной форме как навязанной и ограничивающей познавательную динамику. Знание-власть в таком измерении описывается как неотделимое от многопланового и исторически меняющегося социокультурного контекста и в этой связи имеющее весьма гибкую сегментарность.

Фуко отмечает, что власть в её обычно не осознаваемых отношениях со знанием, укоренённых в социально-культурной практике, отсылает к её «микрофизике». Средствами «микрофизики» выявляются функционально значимые, динамичные познавательно-практические «анонимные стратегии», ускользающие от стабильных форм зримого и высказываемого. В зоне «микрофизики» знание-власть оказывается «нелокализуемым», «нестратифицируемым». Для него свойственны «отклонения», «перемены направления», «изгибы кривой», «вращения».

Ж. Делёз в своей работе «Фуко» справедливо отмечает, что размышления М. Фуко по поводу элементарных единиц знания, вплетённых в практическую повседневность и выступающих в роли обычно не фиксируемых «мелких изобретений», которые одновременно выражают и типичное, и отступление от него, имеют значительное

сходство с идеями «микросоциологии» Г. Тарда. Речь идёт о рассмотрении Г. Тардом диффузных, предельно малых и потому не фиксируемых (по сравнению с выделяемым обществом в качестве значимых) познавательных социальных практик. Они осуществляются в виде, с одной стороны, структурирования и упорядочивания жизни посредством чиновничьей визы, норм обычаев, повседневного языка, общепринятых визуальных изображений, а с другой – мелких, но постоянных отступлений от них, допускаемых представителем масс.

Анализируя природу повторения и выявляя в нём неизбывный механизм множества мельчайших различий, Ж. Делёз, ориентируясь на теорию Г. Тарда, отмечает, что перспективы раскрытия структурирования элементарных автоматизированных познавательно-практических актов в их социально-культурном и антропологическом измерении связаны с детальным анализом соотношения типического и индивидуального, как оно проявляется в повседневной жизни масс.

Особенно продуктивным представляется Ж. Делёзу своеобразное толкование Г. Тардом категории адаптации с её атрибутом подражательности, воспроизведения типичного.

Механизм адаптации человека, функциональности его действий как социобиологического существа наиболее явно представлен в приспособительном поведении масс с мимикрией «Я» индивида, с его стремлением подстроить свою отдельную особенность к многогранной безличной природе, а также к миру общезначимых социально-культурных артефактов.

Ж. Делёз позитивно оценивает упрёк Г. Тарда Э. Дюркгейму за принятие в качестве *уже заданного* того, что следует объяснить как социальное явление в первую очередь (например, похожесть людей, стирание их единичной особенности, их безличие, когда они представлены огромной численностью). Однако Ж. Делёз, на наш взгляд, принижает достижения Э. Дюркгейма, когда отмечает, что только Г. Тард при объяснении общественных изменений рассматривает идеи массовой психологии и интерференции подражательных движений в качестве продуктивной альтернативы идеям великих личностей. Большим достижением Г. Тарда, по сравнению с Э. Дюркгеймом, действительно, является его «микросоциология», которая относится не только к отношениям двух и больше индивидов, но и к единичному индивиду (его нерешительность рассматривается как бесконечно малая оппозиция, а собственное изобретение как бесконечно малая адаптация). Тем самым Г. Тардом развивается идея о том, что повторение интегрирует малые вариации таким образом, чтобы каждый раз различное (и, в целом, повторяемое) вывлялось по-разному.

Оппозиция в «микросоциологии» Тарда, справедливо отмечает Ж. Делёз, – средство такого распределения различия в повторении, при котором повторение ограничивается и открывается новый порядок и новая бесконечность повторений на иной основе. В адаптации приспособительное повторение никогда не существует в виде копирования типичного, а реализуется как «повторение дифференциалов»: воспроизводятся вариации подражания.

В рассмотрении механизма адаптации как возможности упорядоченного существования через феномен повторения нельзя не согласиться с высокой оценкой Делёзом трудов Г. Тарда, особенно его «Социальной логики». «Философия Габриэля Тарда, – пишет Ж. Делёз, – одна из последних великих философий Природы; она наследует Лейбницу <...> Философия Тарда в целом такова: диалектика различия и повторения, которая основывает возможность микросоциологии как целой космологии» [5, с. 102–103].

Необходимо подчеркнуть, что *неоднозначность вариантов выделения в разных философских концепциях элементарной основы познавательно-практических актов, реализующихся в автоматическом режиме, в конечном счете, связана с разным пониманием соотношения «молярного» (системно-целостного) и «молекулярного» (элементного) факторов в упорядочивании воспринимаемого.*

С трактовкой механизма повторения в адаптивном (функциональном) упорядочивании представлений о реальности, предложенной Ж. Делёзом, трудно согласиться в том плане, что в ней чрезмерна боязнь возвышения целостного над частным или элементарным, что характерно для функционализма тех вариантов, для которых свойственно стремление нейтрализовать в элементарных актах познавательного процесса специфику субъективной реальности.

Однако стремление к нейтрализации субъективной реальности в её элементарных актах осуществляется всё же по-разному, с позиции представителя аналитической философии Д. Деннета [8] и с постмодернистской

позиции Ж. Делёза.

Д. Деннет полагает, что субъективная реальность является несущественной для функционально-логической деятельности мышления. Ж. Делёз представляет те направления функционализма, в которых ставится задача охраны субъективной реальности от заключения её в узкие границы известного опыта.

Это убеждение Ж. Делёза укрепились под влиянием его встречи в 1990 г. с А. Негри, своеобразно разрабатывавшем идею неразрывной связи чувственности и понятийного мышления. Влияние идеи А. Негри сказались, в частности, на работе Ж. Делёза «Три этики Спинозы». В ней особое внимание уделялось зрительно воспринимаемым нормам этики, а также выделению среди разных типов знаков чувственного характера. Исследование этих феноменов представлено также в публикациях, посвящённых чувственно-оптическому эффекту знаков в текстах М. Пруста (см.: [6]) и особой миссии знаковых изображений кинопроизводства [7] – миссии нерелективной и неформальной (хотя и технической) организации субъективности зрения.

На основе этих и других исследований Ж. Делёз приходит к выводу, что познавательная способность человека нуждается в пересмотре классически понимаемых *концепта* как способа мыслить, *перцепта* как способа видеть и слышать и *аффекта* как способа ощущать. Причём на первое место выдвигается аффект.

Поддерживая эту идею, Б. Массами [22] (переводчик трудов Ж. Делёза и Ф. Гваттари) оценивает заявление Ф. Джеймисона о «напрасной аффек-

тивности» применительно к эпохе позднего капитализма как неправомерное. При этом тема «аффекта» является сквозной при исследовании проблем теорий СМИ, *culture studies* и биополитики в собственных работах Б. Массами.

Акцент на особую роль новой оптики и по-новому понимаемой субъективности в построении мыслительных конструкций может открыть новые модальности функциональной организации мышления, освобождая его как от формального позитивизма, так и от узкого субъективизма. Такой подход к пониманию субъективного фактора, выходящего за рамки классически понимаемой чувственности, в функциональной организации мышления ориентирован на необходимость учитывать огромную роль в современном мире аудио- и видеосредств массовой коммуникации, влияющих на процесс формирования знания.

Вместе с признанием особой роли не классически понимаемого аффекта и новой оптики для расширения возможностей мышления Ж. Делёз использует в этих целях также отказ от положения о приоритете целостного к элементному в понимании строения познавательного акта.

Отдавая приоритет элементной стороне познавательного акта по отношению к системно-целостной, Ж. Делёз видит преимущество такой позиции в возможности открытого, непредвзятого, беспристрастного, ничем не ограниченного индифферентного взгляда на реальность.

На наш взгляд, приоритет индифферентно-элементного в организации способа восприятия мира затрудняет возможность ухватить рассеянным,

«всеядным» взглядом основание собственного ресурса в том, чтобы быть человеком.

Надежда на спонтанно возникающую «разумность» (рациональность) функциональной неререфлективной *самоорганизации* познавательной способности в её сопротивлении возможности стать опасно бесчеловечной нам кажется эфемерной, особенно в отношении массового сознания.

Чтобы действовать функционально по-человечески (а не по биологическому или машинному типу), усиливая свои возможности, индивид должен пропускать представление о полезности чего-либо для него через интеллектуальное напряжение по поводу собственной субъективной ограниченности. Это предлагает и постмодернизм. Однако всё же желательно, чтобы приоритетным было не положение о бесконечной делимости единиц знания-убеждения, а о «собрании» этих единиц, осуществляемом в практике гуманной коммуникации на основе неформальной общности различных эстетических и этических ценностей.

Наша позиция ближе к тому варианту понимания функциональности мышления, связанной с процессами деперсонализации, который содержится в этически «заряженных» идеях Э. Левинаса [10], Дж. Марголиса [12], Ю. Хабермаса [18].

Э. Левинас видит основание сопряжённости этики и функциональности в способности увидеть в *акте* (и производной от него *актуальности*) его *Иное* – неактуальное, вневременное действие, которое он связывает со способностью к гуманности. При этом гуманность как способность находить себя в *Другом* – признак избранности

индивида. Дж. Марголис обращает внимание на тот факт, что ограниченность известных форм идеологии не должна вызывать отказ от поиска её гуманистического варианта как культурного формообразующего начала для свободной индивидуальной самоорганизации. Ю. Хабермас разрабатывает проект «новой публичности», характерное свойство которой – гуманистически ориентированная коммуникативная рациональность.

В России особого внимания заслуживают работы В.Н. Поруса [13], Г.Л. Тульчинского [15], В.В. Бибикина [1], С.С. Хоружего [19], А.А. Королькова [9] и др., выявляющие связь функциональности с духовностью и ответственностью.

При этом следует признать немалые достижения постмодернизма в открытии новых, эпистемологических возможностей функционирования власти, в исследовании условий преодоления узкого позитивизма, схематизма, линейности мышления, в филигранно тонкой разработке нового типа знания с учётом огромной роли в формировании представлений о реальности в современном обществе средств массовой коммуникации.

Итак, постмодернистская позиция в понимании мышления, познавательных возможностей человека связана с постнеклассическим подходом к анализу рациональности в её связи с социально-культурными процессами. Важнейшей особенностью постмодернизма является уход от структуралистского вопроса о единых структурных закономерностях некоторого множества объектов и переключение внимания на вопрос о возможности проблематизировать многообразные, элементарные,

привычные и вследствие этого не замечаемые, выполняемые автоматически, по машинному типу (в обход сознания), но при этом функционально продуктивные, не лишённые креативности базовые акты мышления.

Такой подход к исследованию базовых актов мышления характеризуется как сдвиг в сторону антипсихологизма.

При этом следует подчеркнуть, что антипсихологизм не предполагает однозначного отрицания или игнорирования субъективности в нерелективных актах мышления. Новое понимание субъективности в работах М. Фуко, Ж. Делёза, Ф. Гваттари связывается с процессом *поиска* человеком своей субъектности, неопределённость которой особенно обострена в условиях глобализации и широкой информатизации общества. В «подлинной» субъективности, с этой позиции, должна быть сведена к минимуму лишь стереотипная, трафаретная сторона чувственности.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что невозможно обойтись без автоматически выполняемых актов мысли, как невозможно и обеспечение их полного контроля со стороны сознания. Поэтому сегодня являются весьма актуальными вопросы техники и технологии функционирования мысли, особенно на стадии её формирования и в условиях, когда усложняющиеся технические средства массовой коммуникации приобретают особые возможности трансформаций значений знака, в том числе знака свободного субъекта. В этой связи весьма ценными являются те работы отечественных авторов [3; 14], посвящённые философии образования, в которых предлагается уже при разработке методологии

и методик школьного приобретения знаний обращать внимание на различие между действительной свободой и принуждением к ней.

Отметим также, что при поиске путей формирования сомневающегося мышления по поводу того, что кажется безусловно рациональным и функционально-продуктивным для широких масс, не стоит вдаваться в крайние формы плюрализма в отношении любых устойчивых конструкций ценностных ориентиров мысли.

Высокая ответственность за формирование относительно устойчивых ценностных ориентиров сознания масс, конечно же, лежит на элите. Именно она несёт ответственность за риски при отпущении «на волю» актов интерпретации обычно бессознательно, автоматически полагаемых оснований организации человеческой жизни. Для данной ситуации Б. Бэйтсон [2] нашёл весьма удачную метафору: общество в своих вариативных экспериментах, которые ставятся над классическим мышлением, должно разумно страховаться подобно тому, как это делает акробат в цирке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биbihин В.В. Узнай себя. М.: Наука, 1998. 578 с.
2. Бэйтсон Г. Экология разума: избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
3. Грякалов А.А., Романенко И.Б., Стрельченко В.И. Философия человека и антропология образования. М.: Академия АПК и ППРО, 2007. 212 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
5. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.

6. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки / *Marsel Proust et les signes* / Пер. с фр. Е.Г. Соколова. СПб.: Лаборатория метафизических исследований при филос. фак. СПбГУ; Алетейя, 1999. 190 с.
7. Делёз Ж. Кино: Кино 1. Образ движения; Кино-2. Образ-время / Пер с фр. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2004. 624 с.
8. Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея_Пресс, 2004. 184 с.
9. Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. 739 с.
10. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высш. религиозно-философская школа, 1998. 265 с.
11. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005. 256 с.
12. Марголис Дж. Личность и сознание. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
13. Порус В.Н. У края культуры (философские очерки). М.: Канон +, Канон + РООИ «Реабилитация», 2008. 464 с.
14. Романенко И.Б. Экзистенциализм и персонализм: определение образовательных идеалов XXI века // Известия РГПУ. № 5 (10): Общественные и гуманитарные науки (Философия). СПб., 2005. С. 59–65.
15. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 167 с.
17. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Кастиль, 1996. 448 с.
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
19. Хоружий С.С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 75–85.
20. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.
21. Block N., Fodor J. What Psychological States Are Not / Block N. Consciousness, Function, and Representation. Cambridge, Mass., 2007. P. 45–61.
22. Massumi B. Fear (The Spectrum Said) [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1071.htm (дата обращения: 17.09.2012).